

# «Вам, разодранные в ключья...». История одной поэтической эпитафии в творчестве Марины Цветаевой

Виктория Валерьевна Никульцева, Московский финансово-юридический университет  
МФЮА (Россия, Москва), severjanin@list.ru

Владимир Николаевич Дядичев, Институт мировой литературы им. А. М. Горького РАН  
(Россия, Москва), dyaditchev@list.ru

DOI: 10.31857/S013161170009963-8

**АННОТАЦИЯ:** В стихотворении «Юнкерам, убитым в Нижнем», созданном в июле 1917 г., М. Цветаева оплакивает похороны юнкеров Алексеевского училища (находилось в Москве, в Лефортове), погибших при умирении солдатского бунта в Нижнем Новгороде и захороненных на воинском Братском кладбище в селе Всехсвятском (район Сокола). Ныне на оставшейся незастроенной части бывшего кладбища открыт Мемориально-парковый комплекс героев Первой мировой войны. Историческому экскурсу, неотделимому от истории создания поэтической эпитафии юнкерам, созданной Мариной Цветаевой, отведено важное место в настоящей статье.

Произведения, посвященные погибшим в грозные дни русской революции 1917 г., создали многие поэты (А. Блок, В. Маяковский, А. Вертинский, З. Гиппиус и др.), но среди них стихотворение Марины Цветаевой «Юнкерам, убитым в Нижнем» занимает особое место. Четкий, дробный ритм, аллитерация на [пр] — [тр] — [рв], ассонанс на [а] — [о] — [у], тонический размер, восходяще-нисходящие интонации, авторские

паузы в простых синтагмах передают напряжение и энергетику стиха. Многочисленные тропы (олицетворение «вздохнули трубы тяжко», метафоры «рвется сердце», «разорванные в клочья», эпитеты «легкий прах», «в безымянную дыру»), фигуры (парцелляция: «— Как, без шашки? / Без погон / Офицерских? / Поутру — / В безымянную дыру?»); риторические вопросы и восклицания; эллипсис), индивидуально-авторская фразеология («Отдадим последний долг / Тем, кто долгу отдал — душу»; ср. «отдать последний долг»; «отдать Богу душу») — совокупность этих поэтических приемов создания художественного образа насильственной смерти, характерных для уникальной стилистической манеры Марины Цветаевой, не только возносит мысль автора на уровень философского обобщения, но и вырастает в политический выпад, вызов власти Временного правительства, неспособного управлять народом. Эта поэтическая эпитафия юнкерам, анализ которой приводится в данной статье, относится к числу лучших страниц творческого наследия Марины Цветаевой.

**КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА:** поэтическая эпитафия, лингвостилистический анализ, Марина Цветаева, белое офицерство, Первая мировая война

**для цитирования:** Никульцева В. В., Дядичев В. Н. «Вам, разодранные в клочья...». История одной поэтической эпитафии в творчестве Марины Цветаевой // Русская речь. 2020. № 3. С. 88–100. DOI: 10.31857/S013161170009963-8.

---

## The Language of Fiction

---

# “Vam, Razodrannyje v Klochja...”. History of Poetic Epitaphs in the Creation of M. Tsvetaeva

---

Viktoria V. Nikultseva, Moscow University of Finance and Law MFUA (Russia, Moscow),  
severjanin@list.ru

Vladimir N. Dyadichev, A. M. Gorky Institute of World Literature (Russian Academy of Sciences)  
(Russia, Moscow), dyadichev@list.ru

---

**ABSTRACT:** In the poem “To cadets killed in Nizhny” written in July 1917 M. Tsve-taeva mourns the funerals of cadets from Alekseevskoe military school. They were suppressing soldier mutiny in Nizhny Novgorod and buried in the military cemetery Bratskoye in Vsesvyatskoye village (at the All Saints Church, near the Sokol district). Today they have established a Memorial Park of the Heroes of the First World War in the vacant part of the former cemetery. It is crucial to be familiar with the historical background of the story behind the poetic epitaph and it plays an important role in the article.

Many poets (A. Blok, V. Mayakovsky, A. Vertinsky, Z. Gippius, etc.) created works dedicated to those who died in the stormy days of the Russian revolution of 1917, but among them Marina Tsvetaeva’s poem “To cadets killed in Nizhny” occupies a special place. A clear, fractional rhythm, alliteration of the sound combinations [pr] — [tr] — [rv], assonance of vowel sounds [a] — [o] — [u:], accentual verse, falling-rising intonations and author’s pauses in simple syntagmas convey the tension and energy of the verse. Numerous tropes (the personification “the trumpets sighed heavily”, metaphors “heart breaks”, “torn to shreds”, epithets “light dust”, “in a nameless hole”), figures (parcellationism: “— How, without a checker? / Without shoulder straps / Officers? / In the morning — / in a nameless hole?”; rhetorical questions and exclamations; ellipsis), individual author’s phraseology (“Give the last debt / To those who gave the debt the soul”; cf. “give the last debt”; “give your soul to God”) — the combination of these poetic techniques creates an artistic image of violent death, characteristic of the unique stylistic manner of Marina Tsvetaeva, which not only elevates the author’s thought to the level of philosophical generalization, but also grows into a political attack. The poet defies the Provisional government, unable to rule the country. This poetic epitaph to cadets belongs to one of the best pieces in the heritage of Marina Tsvetaeva.

**KEYWORDS:** a poetic epitaph, the linguo-stylistic analysis, Marina Tsvetaeva, white officers, the First World War

**FOR CITATION:** Nikultseva V. V., Dyadichev V. N. “Vam, Razodrannyje v Klo-chja...”. History of Poetic Epitaphs in the Creation of M. Tsvetaeva. Russian Speech = Russkaya Rech’. 2020. No. 3. Pp. 88–100. DOI: 10.31857/S013161170009963-8.

*О нём это,  
Об убитом, телеграмма.*  
[Маяковский 1955: 67]

Ожидание грядущих неотвратимых изменений в современном мире, вызванных двуличной политикой мировых держав, провоцирующих эскалацию насилия и возрастание числа военных конфликтов, делает особенно актуальным погружение в контекст «антивоенной поэзии», явившейся откликом на события Первой мировой войны, в которую Россия вступила 19 июля (1 августа) 1914 г., и последующих двух русских революций 1917 г.

Многие поэты, философы, культурные и общественные деятели откликнулись на кровавые события, жертвами которых стали и военные, и мирные граждане. Вскоре после начала войны великая княгиня Елизавета Федоровна выступила с инициативой о создании Братского кладбища в Москве. Шестого (19) сентября совещание Городской управы и Комиссии гласных по мероприятиям, вызванным войной, постановило «признать необходимым учреждение особого кладбища для воинов, павших в священной войне» [Арсеньев, Морозова 2005: 31]. В феврале 1915 г. на северо-западе от Москвы в районе развилки Петроградского и Волоколамского шоссе на землях села Всехсвятского было создано Московское городское Братское кладбище жертв Первой мировой войны. Всего к 1919 г. на территории Братского кладбища было похоронено 17,5 тысячи рядовых, 581 офицер, 51 сестра милосердия, 14 врачей, 20 общественных деятелей [Катагощина 1993: 14].

Война требовала под ружье всё новых и новых воинов. Дошла очередь и до студентов российских университетов, ранее не подлежавших призыву. Был призван в армию и муж Марины Цветаевой Сергей Эфрон, бывший к моменту призыва студентом Московского университета. Первоначальный курс «молодого бойца» он прошел в январе-феврале 1917 г. в учебной команде в Нижнем Новгороде. Затем был направлен юнкером в 1-ю Петергофскую школу прапорщиков пехоты (под Петроградом). В начале июля 1917 г., т. е. уже после Февральской революции, при Временном правительстве, С. Эфрон по окончании ускоренного курса 1-й Петергофской школы прапорщиков пехоты стал прапорщиком и был направлен для прохождения службы в 56-й запасной пехотный полк в Москве.

Запасные полки, созданные во время войны в ряде городов России, занимались начальной военной подготовкой солдат-новобранцев,

призванных из запаса, раненых, выписанных из госпиталей, — с целью последующей их отправки в действующие фронтовые части для восстановления убыли личного состава. 56-й полк был сформирован в начале войны на базе существовавших в Московском военном округе подразделений. Роты полка размещались частью в казармах Московского Кремля, частью — в Покровских казармах (район Покровского бульвара, Казарменного переулка). Полевые занятия проходили на Ходынском поле.

Однако к лету 1917 г. массовый характер приобрело дезертирство, отказы солдат от отправки на фронт. Четвертого июля 1917 г. взбунтовались солдаты гарнизона в Нижнем Новгороде. Солдаты 62-го пехотного полка, расквартированные в этом городе, отказались выполнить приказ об отправке на фронт. Для подавления бунта в Нижний Новгород были направлены боеспособные части московского гарнизона, в том числе юнкера Алексеевского училища (находилось в Лефортове), а также учебная команда 56-го запасного полка (того самого, где через две недели начнет свою офицерскую службу Эфрон). О случившемся сообщило Петроградское телеграфное агентство. «Солдаты-дезертиры с красными знаменами окружили здание начальника гарнизона, требуя отмены приказа об отправке на фронт, — говорилось в сообщении ПТА. — Раздавались крики: “Арестовать начальника гарнизона!”, “Сместить совет, защищающий буржуазию!” К бунтующим стали присоединяться и солдаты других нижегородских полков — 183-го, 185-го. Для наведения порядка ночью из Москвы прибыли юнкера Алексеевского училища и учебная команда 56-го запасного полка. На шоссе солдаты встретились с юнкерами. Началась перестрелка, в результате которой пострадали юнкера, бывшие в меньшинстве. Они были вынуждены сложить оружие и были арестованы. <...> Прибывшие на вокзал солдаты встретили учебную команду 56-го полка и открыли по ней огонь. Команда, потеряв несколько человек убитыми и ранеными, разбежалась, часть ее была задержана и арестована. Арест разбежавшихся юнкеров и солдат учебной команды продолжался всю ночь и весь следующий день и сопровождался во многих случаях жестокими издевательствами» [Дядичев, Лобыцын 2014: 32–33]. Утром взбунтовавшиеся солдаты окружили юнкеров Нижегородского учебного батальона, и те сложили оружие. Несколько дней власть в городе фактически находилась в руках взбунтовавшихся солдат. Подавить бунт удалось только силой войск Московского военного округа (куда входил и гарнизон Нижнего Новгорода) под руководством командующего Московским округом полковника А. И. Верховского.

14 июля в Москве на Братском кладбище состоялось торжественное погребение погибших в Нижнем Новгороде юнкеров Алексеевского училища. Отпевание проходило в храме Косьмы и Дамиана на Скобелевской площади. Теперь, в июле 1917 г., над площадью царили совершенно

иные настроения. После отпевания траурная процессия от храма Косьмы и Дамиана через всю Москву — от Скобелевской площади по Тверской, 1-й Тверской-Ямской улицам, Петербургскому (Петроградскому) шоссе — под звон «сорока сороков» проследовала на воинское Братское кладбище в район села Всехсвятское (ныне район Сокола). В утреннем выпуске «Биржевых ведомостей» 16 июля было напечатано сообщение ПТА от 14 июля: «Сегодня Москва хоронила юнкеров Алексеевского военного училища Фомина, Новика и Страздина, убитых и растерзанных толпой в Нижнем Новгороде. На похоронах присутствовали Алексеевское и Александровское училища, весь московский гарнизон и представители всех революционных и общественных организаций. На гроб было возложено 30 венков. На могиле произнесены речи. <...> Покойным оказаны воинские почести» [Дядичев, Лобыцын 2014: 33–34].

17 июля 1917 г. датировано стихотворение М. Цветаевой «Юнкерам, убитым в Нижнем». С материнским страданием оплакивает она погибших:

Сабли взмах —  
И вздохнули трубы тяжко —  
Провожать  
Лёгкий прах.  
С веткой зелени фуражка —  
В головах.  
  
Глуше, глуше  
Праздный гул.  
Отдадим последний долг  
Тем, кто долгу отдал — душу.  
Гул — смолк.  
— Слуша - ай! На - кра - ул!  
  
Три фуражки.  
Трубный звон.  
Рвётся сердце.  
— Как, без шашки?  
Без погон  
Офицерских?  
Поутру —  
В безымянную дыру?  
  
Смолкли трубы.  
Доброй ночи —  
Вам, разорванные в клочья —  
На посту! [Цветаева 2004, т. 1: 363].

Описание предельно документально. Не исключено, что М. Цветаева и только что прибывший в Москву С. Эфрон, получивший по выпуске из школы прапорщиков двухнедельный отпуск, присутствовали на этих похоронах. Документализм трагической сцены запечатлен в звуках и движениях. Особое внимание уделено авторскому аудированию происходящего: свист сабли командующего обрядом похорон, его голос («— Слуша - ай! На - кра - ул!»); звуки духового оркестра («И вздохнули трубы тяжко»; «Трубный звон»; «Смолкли трубы»); голоса собравшихся при погребении («Глуше, глуше праздный гул»; «Гул — смолк»). На этом минорном фоне явственно ощущаются четкие движения: взмах сабли, поднятие и опускание труб, снятие фуражек и отдавание долга чести, бешеные толчки крови в сердцах провожающих в последний путь, опускание гробов с телами в могилу, закрытие глаз, не выдержавших тяжкого зрелища. Через призму зрения лирической героини, образ которой неразрывно слит с образом автора, мы сталкиваемся с деталями похоронного обряда: легкость тел убиенных, свидетельствующая как о молодом возрасте юнкеров, так и о том, что их тела изуродованы; зеленые ветки в изголовье, говорящие о теплом времени года; переговаривающаяся, «гудящая» праздная толпа, в которой, помимо родственников и знакомых убитых, много случайных прохожих; отсутствие знаков воинского отличия — шашек, погон, возможно невидимых в закрытых гробах с изувеченными телами («разорванные в клочья»); братская могила («безымянная дыра») как символ бесконечной вереницы жертв.

Неслучайно в контексте звукового оформления Цветаева прибегает к фоносемантической насыщенности рифмы: так, в первой строфе сильная мужская рифма «взмах — прах — головах» содержит элемент «ах», ассоциирующийся с эмоциональным междометием, в первой и третьей строках экспрессивное наречие «тяжко» рифмуется с существительными «фуражка» / «фуражки» / «шашки», а на стыке третьей и четвертой строф между элементами «поутру — дыру — посту» появляется нерифмованное слово «трубы», включающее в себя звукокомплекс «тру» и коррелирующее с нерифмованным словом-стихом первой строфы «проводить». Точная, чеканная рифма большинства стихов (за исключением третьего и двадцать первого стиха, не содержащего рифмы, и рифмовки пятнадцатого и восемнадцатого стихов «рвется сердце — офицерских» с неточной рифмой) имитирует размеренные аккорды духового оркестра, минорное звучание похоронного марша, скупые жесты и четкие команды в обряде похорон военнослужащих.

В четырехчастной композиции текста внимание обращается на неупорядоченность рифмовки и неодинаковое количество стихов в последних строфах. Так, в первой секстине две неповторяющиеся рифмы перебиваются

нерифмованной строкой (А — б — в — А — б — А), без учета которой образуют последовательную рифмовку; во второй секстине рифмы приобретают усложненную последовательность (а — Б — В — а — В — Б); в третьей строфе-октаве перекрестная сложная рифмовка дополняется конечной смежной (а — Б — в — а — Б — в — Г — Г), путем паронимической аттракции обогащающей кольцевидный конечный катрен (Г — а — а — Г).

На фоне этого необычного строфо-ритмического построения усиливается роль гласных, достигающих аллитеративного звучания в первой, второй и четвертой строфах, причем доминирование этих гласных носит неварьируемый характер. Если в первой строфе порождаются звуки плача по усопшим путем семикратного повторения гласного [а], а во второй — звуки похоронного марша за счет такого же повтора гласного [у], то в последней строфе эффект наступившей тишины создается пятикратным повтором звука [о], носящего характер скорбного вздоха. В то же время частотность звука [а] (16) во всем тексте — по сравнению со звукоупотреблениями [у] (14) и [о] (13) — придает эпитафии характер личной трагедии молодой женщины.

Фоносемантический характер текста усиливается порождением семантических полей «офицер» (за счет реализации лексем «сабля», «шашка», «фуражка» (два раза), «отдать долг» (два раза), «караул», «погоны», «офицерский», «пост»), «насильственная смерть» («прах», «разорванный», «рваться», «клочья»), «похороны» («трубы», «зелень», «безымянный», «дыра», «проводить», «поутру», «вздыхнуть»), «человек» («душа», «сердце», «голова»), «музыка» («трубы», «трубный», «сморкнуть» (два раза), «слушать», «звон»), толпа («гул», «глухой», «праздный»), время суток («поутру», «доброй ночи»), время года («ветка», «зелень»). Взаимопересекаясь, эти семантические поля создают оппозицию «жизнь — смерть» (ср. контрастирующие лексемы «душа, сердце; взмах; три; легкий; поутру» — «прах, клочья; безымянная дыра; последний; тяжкий; доброй ночи»).

Статический текст-эпитафия (на 37 имен и местоимений приходится 9 глагольных слов) за счет средств создания экспрессии воспринимается как похоронный марш, с последними звуками которого все сдерживаемые эмоции и чувства лирической героини рвутся наружу. К таким средствам относятся не только уникальная строфика и метрика стиха, переплетение семантических полей и создание психологических контрастов, обогащение звучания текста сложной звукописью и рифмовкой, но и традиционные изобразительно-выразительные приемы, в цветаевской творческой манере приобретающие новые нюансы выражения авторского «я».

Одним из таких приемов является индивидуально-авторское обновление фразеологии. Во-первых, за счет контаминации Цветаева оживляет потенции фразеологизмов «отдать последний долг / отдать долг памяти»,

«отдать (Богу) душу», обновляя их форму и акцентуализируя семантику («Отдадим последний долг / Тем, кто долгу отдал — душу»). Во-вторых, она производит дефразеологизацию выражений «пусть земля (им) будет пухом», трансформированного во фразу «проводать легкий прах», т. е. хоронить молодых, и «безымянная дыра», т. е. братская могила. В итоге автором создается берущий за душу образ безвременно ушедших молодых юнкеров, выполнивших свой воинский долг до конца.

Другим экспрессивным приемом, усиливающим звучание взволнованного до глубины души авторского голоса, является парцелированный синтаксис вкупе с авторской пунктуацией. Эмоциональные паузы и эллиптические конструкции отмечены постановкой тире, мотивированного лишь эстетическими и ритмическими соображениями. Среди конструкций, отягощенных постановкой авторского тире, можно выделить следующие группы: 1) сложные предложения с разными видами связи, части которых представляют собой неоднотипные конструкции (напр., сложное предложение из трех предикативных частей (односоставное номинативное, двусоставное распространенное, односоставное номинативное) с сочинением и бессоюзной связью причинно-следственного характера: «Сабли взмах — / И вздохнули трубы тяжко — / Проводать / Легкий прах»); 2) простые распространенные расчлененные предложения (напр., «С веткой зелени фуражка — / В головах»); 3) одиночные простые и входящие в сложные простые конструкции с ритмическим слогом между членами предложения (напр., «Гул — смолк»; «Отдадим последний долг / Тем, кто долгу отдал — душу»); 4) конструкции — модальные слова, представляющие собой командную речь (напр., «— Слуша - ай! На - кра - ул!»); 5) эллиптические конструкции («Поутру — / В безымянную дыру?»). Экспрессивный синтаксис, порождающий парцелированные, ритмизованные и инверсированные конструкции, обогащенный восклицательными и вопросительными интонациями, — один из сильнейших приемов выражения цветаевской экспрессии.

Четкий, дробный ритм, аллитерация на [пр] — [тр] — [рв], ассонанс на [а] — [о] — [у], тонический размер, восходяще-нисходящие интонации, авторские паузы в простых синтагмах передают напряжение и энергетику стиха. Многочисленные тропы (олицетворение «вздохнули трубы тяжко», метафоры «рвется сердце», «разорванные в клочья», эпитеты «легкий прах», «в безымянную дыру»), паронимическая аттракция и фигуры (парцелляция; риторические вопросы и восклицания; эллипсис), индивидуально-авторская фразеология являются неотъемлемыми чертами стилистической системы Цветаевой.

22 июля 1917 г., вскоре после печального события, положенного в основу поэтической эпитафии Цветаевой, Эфрон был назначен младшим

офицером 10-й роты 56-го запасного полка. Представление о том времени дает письмо С. Эфрона к Е. О. Волошиной и М. А. Волошину от 15 сентября 1917 г. в Крым: «К ужасу Марины, я очень горячо переживаю все, что сейчас происходит — настолько горячо, что боюсь оставить столицу. <...> Я занят весь день обучением солдат — вещь безнадежная и бесцельная. <...> Я сейчас так болен Россией, так оскорблен за нее, что боюсь — Крым будет невыносим. Только теперь почувствовал, до чего Россия крепка во мне... Мало кто понимает, что не мы в России, а Россия в нас...» [Цветаева 1999: 250].

25 октября 1917 г. в Петрограде свершилась Октябрьская революция. Вслед за Петроградом в Москве началось Октябрьское вооруженное восстание, которое длилось около недели и закончилось установлением в городе советской власти. Но М. Цветаевой не суждено было стать свидетелем этих событий: незадолго до восстания она уехала в Феодосию поддерживать свою младшую сестру Анастасию, потерявшую сына-младенца. Новая «октябрьская» реальность нахлынула на Цветаеву, когда она села в поезд, возвращавший ее из Крыма в Москву, и услышала разговоры, увидела газеты, которые приносили на станциях солдаты. Происходящее пронзило ее сознание страшной мыслью, что муж, возможно, погиб. В поезде она записывает: «Если Вы живы, если мне суждено еще раз с Вами увидеться, слушайте: вчера, подъезжая к Харькову, прочла «Южный Край». 9000 убитых... <...> Все это страшный сон. Стараюсь спать. Я не знаю, как Вам писать. Когда я Вам пишу, Вы — есть, раз я Вам пишу! А потом — ах! — 56 запасной полк, Кремль...» [Цветаева 1994, т. 4: 418]. О грозных днях октября–ноября 1917 г. в Москве Эфрон рассказал в очерке «Октябрь (1917)» [Эфрон 2014: 12–62].

Победившая новая власть, торжественно похоронившая в те дни «жертвою павших в борьбе роковой» на Красной площади, разрешила родным и близким погибших юнкеров провести свое скромное погребение. 13 (26) ноября 1917 г. после отпевания в храме Большого Вознесения у Никитских Ворот скорбная процессия через всю Москву прошла на Братское кладбище в селе Всехсвятском, где тела погибших легли в мерзлую землю. Там состоялись похороны 37 человек, в основном юнкеров, погибших в боях с большевиками [Арсеньев, Морозова 2005: 54]. Так первыми жертвами боев в Москве ноября 1917 г. и надвигающейся братоубийственной Гражданской войны стали юнкера московских училищ, студенты, вчерашние гимназисты, ученики реальных училищ — сторонники Временного правительства. Под впечатлением от похорон на московском Братском кладбище поэт, композитор и артист А. Н. Вертинский написал свой знаменитый романс «То, что я должен сказать» (1917), известный также под названиями «Юнкера» и «Мальчики» [Вертинский 2012: 284].

В 1992 г. Государственной исторической библиотекой была издана брошюра, содержание которой проливало некоторый свет на октябрьско-ноябрьскую трагедию в Москве 1917 г. и похороны жертв этой трагедии [Алабин, Дибров, Судравский 1992: 1–83]. В книге приводится краткая история московского Братского кладбища и биографические сведения о захороненных на нем 356 человек, собранные на материале периодических изданий тех лет. В 2013 г. был издан подготовленный Отделом письменных источников Государственного исторического музея двухтомный словарь-справочник «Братское кладбище в Москве 1915–1924. Некрополь. Именные списки» [Зубова, Катагощина 2013]. В списках погребенных, среди прочего, содержатся краткие данные о трех юнкерах, героях цветаевского стихотворения: «Новик Степан Максимович, 34 года, православный. Юнкер. Алексеевское военное училище. Гродненская губерния Кобринский уезд Новосельская волость, с. Девятки. Сконч.: Нижний Новгород, 5 июля 1917 г., убит при подавлении военного бунта. Погр.: 14 июля 1917 г., под стеной, II ряд. — № 487. <...> Страздинь Ян Эрнест, 20 лет, лютеранин. Юнкер. Алексеевское военное училище. Гор. Рига. Сконч.: Нижний Новгород, 5 июля 1917 г., убит при подавлении военного бунта. Погр.: 14 июля 1917 г. Аллея левая, 16 ряд. — № 486. <...> Фомин Николай Платонович, 22 года, православный. Юнкер. Алексеевское военное училище. Область Войска Донского, станица Потемкинская. Сконч.: Нижний Новгород, 5 июля 1917 г., убит при подавлении военного бунта. Погр.: 14 июля 1917 г., под стеной, II ряд. — № 488» [Зубова, Катагощина 2013: 155, 467, 580]. Даже по этим кратким данным можно заключить, что идущая третий год мировая война требовала всё новых пополнений войск, в том числе офицерского состава. В юнкерские училища направлялись уже не только представители «благородных» сословий (дворянство, купечество, студенты, лица свободных профессий), но и крестьяне, рабочие, грамотные солдаты, проявившие себя в военном деле.

Что же касается дальнейшей истории московского Братского кладбища, то в 1930–1950-х гг. на его территории были проложены улицы, разбит парк. В 1995 г. был создан Фонд по восстановлению Всероссийского Всехсвятского Братского военного кладбища. 1 августа 2004 г. состоялась торжественная церемония открытия мемориального комплекса, приуроченная к 90-летию начала Первой мировой войны [Арсеньев, Морозова 2005: 62]. На сохранившейся незастроенной территории кладбища, ставшей мемориальным парком, воздвигнута Спасо-Преображенская часовня «В память защитников России, павших во всех войнах за Отечество», обелиск «Павшим за свободу и независимость Родины», памятный знак в виде миниатюрной часовни (на месте временной часовни Братского кладбища), крест «В память вождей и воинов, за веру и отечество живот

свой положивших», обелиски «Павшим в Мировой войне 1914–1918 гг.», сестрам милосердия, авиаторам, стела-стена памяти «Москва — павшим российским воинам»... На огороженной территории храма Всех Святых около станции метро «Сокол» находится ряд символических надгробий, плит, крестов. Среди них могильная плита: «Учащиеся военных юнкерских и кадетских училищ, студенты и гимназисты, погибшие в Москве 26.X — 3.XI.1917 г. Погребены 13.XI. /ст. ст./ на Братском кладбище» — и крест с надписью: «Казаки, юнкера, солдаты, офицеры, генералы и ополченцы-добровольцы, павшие в войне 1914–1919 годов. Вечная слава! Героям-брусиловцам и Георгиевским кавалерам».

Цветаева явилась свидетелем кровавых событий в Москве с начала Первой мировой до революции 1917 г., эмоционально запечатлев их в прозе и поэзии. Отечественная архитектура отдала дань павшим сооружением культурно-исторического памятника «Московское городское Братское кладбище героев Первой мировой войны» с величественными скульптурами и скромными надгробиями, русская литература же оставила памятник нерукотворный, сотворенный гением писателей — современников тех трагических дней. Поэтическая эпитафия юнкерам, принесшим себя в жертву истории, относится к числу шедевров творческого наследия М. Цветаевой.

---

## Литература

- Алабин И. М., Дибров А. С., Судравский В. Д. Московское городское Братское кладбище: Опыт биографического словаря. М.: ГПИБ, 1992. 83 с.
- Арсеньев А. А., Морозова М. С. Московское городское Братское кладбище // Военно-исторический архив. М., 2005. № 10 (70). С. 30–63.
- Вертинский А. Н. Дорогой длиною... [Мемуары, стихи и песни, письма]. М.: АСТ-Астрель, 2012. 624 с.
- Дядичев В. Н., Лобыцын В. В. Доброволец двух русских армий. Военная судьба Сергея Эфрона: 1915–1921 годы. Изд. 2-е, испр. и доп. М.: Дом-музей Марины Цветаевой, 2014. 152 с.
- Зубова Н. Л., Катагощина М. В. Братское кладбище в Москве, 1915–1924. Некрополь. Словарь-справочник. В 2 т. Именные списки. М.: Издательство «Русский Мир», 2013. Т. 2. 744 с.
- Катагощина М. В. Памятники Великой войны // Военная быль. М., 1993. № 3 (132), июнь-сентябрь. С. 14–17.
- Маяковский В. В. Полное собрание сочинений. В 13 т. Т. 1 (1912–1917). М.: Гос. изд. художественной литературы, 1955. 464 с.

- Цветаева М. И. Неизданное. Семья. История в письмах. М.: Эллис Лак, 1999. 592 с.
- Цветаева М. И. Собрание сочинений. В 7 т. / Сост., подгот. текста и коммент. А. А. Саакянц и Л. А. Мнухина. Т. 1. Стихотворения 1906–1920 гг. М.: Эллис Лак, 1994. 640 с.; Т. 4. Воспоминания о современниках. Дневниковая проза. М.: Эллис Лак, 1994. 688 с.
- Эфрон С. Я. Октябрь (1917 г.) // «Писательское русло» Сергея Эфрона. М.: Возвращение, 2014. С. 12–62.

---

## References

- Alabin I. M., Dibrov A. S., Sudravskii V. D. *Moskovskoe gorodskoe Bratskoe kladbishche: Opyt biograficheskogo slovary* [Moscow City Brotherly Cemetery: experience in a biographical dictionary]. Moscow, GPIB Publ., 1992. 83 p.
- Arsen'ev A. A., Morozova M. S. [Moscow City Brotherly Cemetery]. *Voennno-istoricheskii arkhiv*, 2005, no. 10 (70), pp. 30–63. (In Russ.)
- Cvetaeva M. I. *Neizdannoe. Sem'ya. Istoriya v pis'makh* [Unreleased. Family. History in letters]. Moscow, Ellis Lak Publ., 1999. 592 p.
- Cvetaeva M. I. *Sobranie sochinenii. V 7 tomakh* [Collected Works. In 7 vols.]. Comp., prep. text and comment. by A. A. Saakyanc and L. A. Mnukhina. Vol. 1. *Stikhotvoreniya 1906–1920 gg.* [Poems of 1906–1920]. Moscow, Ellis Lak Publ., 1994. 640 p.; Vol. 4. *Vospominaniya o sovremennikakh. Dnevnikovaya proza* [Memoirs of contemporaries. Diary prose]. Moscow, Ellis Lak Publ., 1994. 688 p.
- Dyadichev V. N., Lobycyn V. V. *Dobrovolec dvukh russkikh armii. Voennaya sud'ba Sergeya Efrona: 1915–1921 gody* [Volunteer of two Russian armies. The military fate of Sergei Efron: 1915–1921]. 2<sup>nd</sup> ed. Moscow, House-Museum of Marina Tsvetaeva Publ., 2014. 152 p.
- Efron S. Ya. [October (1917)]. “*Pisatel'skoe ruslo*” *Sergeya Efrona* [“Writer's watercourse” by Sergey Efron]. Moscow, Vozvrashchenie Publ., 2014, pp. 12–62. (In Russ.)
- Katagoshhina M. V. [Monuments of the Great War]. *Voennaya byl'*, 1993, no. 3 (132), pp. 14–17. (In Russ.)
- Mayakovskii V. V. *Polnoe sobranie sochinenii. V 13 tomakh* [Complete Works. In 13 vols.]. Vol. 1 (1912–1917). Moscow, State Publ. Khudozhestvennaya Literatura, 1955. 464 p.
- Vertinskii A. N. *Dorogoi dlinnoy... (Memuary, stikhi i pesni, pis'ma)* [A long way... (Memoirs, poems and songs, letters)]. Moscow, AST-Astrel' Publ., 2012. 624 p.
- Zubova N. L., Katagoshhina M. V. *Bratskoe kladbishche v Moskve, 1915–1924. Nekropol': Slovar'-spravochnik. V 2 tomakh. Imennye spiski* [The brotherly cemetery in Moscow, 1915–1924. Necropolis. Reference dictionary. In 2 vols. Nominal lists]. Moscow, Russkii Mir Publ., 2013. Vol. 2. 744 p.